

ГЛАВА 15. «ПЛЮРАЛИСТИЧЕСКАЯ ОДНОПОЛЯРНОСТЬ»

А.Д.Богачуров

«Рывок к Западу», определивший суть новой, «солидарной с США», дипломатии Путина после осени 2001 г., не отменяет объективной потребности разобраться в вопросе о международно-политической структуре современного мира. Сегодня даже пылкие антизападники в России перестают понемногу вслух убеждать в существовании в нем реальной многополярности: слишком сомнителен этот постулат на взгляд даже не больно искушенной публики. Они, напротив, стали брать на вооружение прямо противоположный тезис — идею «американского мира», *Rex Americana*, то есть пост-новой глобальной американской империи, в которой Вашингтон выступает единоличным верховным и неоспоримым вершителем мировых дел.

Содержание дискуссий вокруг проблемы «полярности» изменилось, накал же их остался по-прежнему высоким. Обилие альтернативных точек зрения указывает на серьезность отношения к этому вопросу всех главных политических сил России, основных звеньев аппарата выработки российской внешней политики, работа которых все еще остается не очень слаженной. Тем более важно спокойно проанализировать обстановку, в которой придется действовать российской дипломатии, независимо от того, кто будет задавать тон на Охотном ряду и в Кремле в ближайшей перспективе. Задача предлагаемой статьи — соотнести устремления России с объективной стороной мирополитического процесса и в самом общем виде наметить рациональные пределы назревшей, по мнению автора, модификации ее внешнеполитического курса.

I

Прежде чем решать, «с кем быть» (если с кем-то быть, конечно!), хорошо было бы разобраться в том, а что, собственно, вообще происходит. Начать уместно с вопроса о внутренней организации современного мира. Большинство исследователей полагает, что биполярной модели мира, в классическом виде сохранявшейся приблизительно с 1945 по 1991 год, не существует. Меньше единомыслия в том, какая структура международных отношений возникает на обломках прежней. Версии разноречивы. В России, однако, популярнее та, что пытается не то фиксировать, не то предвещать наступление эры многополярности.

Почти за заданность, к примеру, принимает многополярность один из ведущих отечественных экспертов стратегического анализа, С.Рогов. Его мнению созвучны подходы работающего в ключе гео-

политического анализа К.Сорокина¹. К многополярному видению если не сегодняшнего мира, то его перспективы склоняется часть зарубежных коллег. На этой точке зрения стоят серьезный американский историк (и популярный политолог) Джон Гэддис и известные в США международники Чарльз Кэгли и Грегори Раймонд, с компьютерной скрупулезностью собравшие и опубликовавшие в 1994 году своего рода «антологию многополярности» в форме развернутых цитат предшественников, перемежаемых собственными комментариями, причем, не слишком отягощенными аналитичностью². Несхожесть школ, к которым принадлежат исследователи, не мешает их работам иметь общую и озадачивающую в теоретических рассуждениях черту: отсутствие определений «многополярности» и «биполярности», хотя именно их сравнение между собой в той или иной форме подразумевается во всех обозначенных публикациях.

И тем не менее, было бы, по меньшей мере, странно приступать к анализу, не прояснив категории. Поэтому, повторяя определение, предложенное в одной из наших работ 1993 года³, отметим, что *под биполярной стоит считать структуру международных отношений, которая опирается на отрыв только двух каких-либо держав от остальных членов мирового сообщества по совокупности своих военно-силовых, экономических, политических, идеологических и иных возможностей*. Такой была мировая структура после Второй мировой войны, когда СССР и США, не будучи вполне равными между собой, вместе с тем, «ушли в отрыв» от всех других государств. Соответственно, распад СССР и быстрое сокращение возможностей уменьшившейся в размерах и ослабевшей России дали основание ставить вопрос о разрушении «классической» биполярности в результате упадка одного из ее полюсов.

В отличие от биполярности, ключевой характеристикой которой был *отрыв двух держав, для многополярности характерна примерная сопоставимость совокупных возможностей одновременно нескольких государств мира, ни одно из которых не обладает явно выраженным превосходством над остальными*. Приблизительно такой структура международных отношений была в Европе XIX века, когда европейские великие державы ревниво следили друг за другом, не позволяя ни одной из них усилиться до такой степени, чтобы коалиция всех остальных не обеспечивала им заведомого превосходства над пытающимся «уйти в отрыв» соперником.

¹ *Рогов С.М.* Россия и США в многополярном мире // США: Экономика, политика, идеология. 1992. № 10. С. 3-14; *Сорокин К.Э.* Ядерное оружие в эпоху геополитической многополярности // Полис. 1995. № 4. С. 18-32.

² *Caddis J.L.* International Relations. Theory and the End of the Cold War // International Security. Vol. 17. № 3 (Winter 1992). P. 5-58; *Kegley Ch.W., Raymond G.* A Multipolar Peace? Great-Power Politics in the Twenty-First Century. N.Y., 1994.

³ *Богатуров А.Д.* Кризис миросистемного регулирования // Международная жизнь. 1993. № 7. С. 30.

Если принять за основную черту биполярности *наличие крупного разрыва* в возможностях между двумя лидерами и остальными странами, а за типическую характеристику многополярности — *сопоставимость потенциалов* более или менее многочисленной группы лидеров, то можно хотя бы отчасти «заземлить» наши представления о текущей ситуации, то есть приблизить их к удручающей русское сознание, но реальной действительности.

Попробуем отыскать признаки многополярности в военно-силовой сфере. За последние полвека ни одна из стран мира, кроме СССР, не смогла приблизиться к рубежу военных возможностей Соединенных Штатов. Сегодня об относительной сопоставимости военных потенциалов можно с долей условности говорить лишь применительно к США и России (так называемая остаточная биполярность — очень важная, кстати, в структурном отношении). Но Соединенные Штаты имеют преимущества перед Российской Федерацией, как минимум (но не только), по таким показателям, как эффективность управления военным комплексом, его защищенность, способность к качественному совершенствованию оборонного потенциала при сохранении его количественных параметров.

Иной, но аналогичной остается ситуация в области экономики. Правда, прояснить ее сложнее из-за наличия целой подотрасли индустрии массовой информации, не менее четверти века зарабатывающей деньги на спекуляциях по поводу «упадка лидерства Америки» и ее отставания от Японии и Германии по показателям эффективности производства и темпов роста. В основе этих разукрашенных фантазиями и отягощенных скрытыми расчетами рассуждений лежат, конечно, факты. В последние 20-30 лет в самом деле происходит замедление экономического роста США на фоне более быстрого развития Японии, Германии, новых индустриальных стран (НИС) и Китая. Гигантский перевес возможностей, который существовал у США, например, по сравнению с разрушенными войной Японией и западноевропейскими странами в конце 40-х годов, сегодня уменьшился. Это позволяет говорить об ослаблении позиций США по отношению к некоторым другим индустриальным странам, или, точнее, об относительном укреплении позиций последних по отношению к США.

Но на фоне *относительного* «упадка» американской мощи сохраняется колоссальное *абсолютное* превосходство США над конкурентами. Огромная по своим параметрам американская экономика не стоит на месте. Сколь бы много ни говорилось об усилении могущества Японии, Германии или Китая, экономики этих стран по округленным исчислениям составляют от 17 (Германия) до 38 (Япония) процентов американской. Здравое ли принимать за «сопоставимость» ситуацию, когда экономически США в два с половиной — пять раз превосходят самых мощных своих конкурентов? Укрепление роли новых экономических лидеров происходит. Но оно, как представляется, сегодня все еще позволяет говорить только об истончении запасов американского превосходства над другими странами, а

не о равновесии их возможностей. Может быть, втайне понимая это, сторонники гипотезы многополярности и предпочитают уклоняться от обсуждения ее объективных критериев.

Но попытки доказать, что экономическая многополярность — не просто романтическое ожидание, все же предпринимаются. Обычный прием в этом смысле — сравнивать несравнимое. Утверждается, скажем, что многополярность в мировой экономике существует, если иметь в виду, что конкурентом США может выступать не какое-либо одно государство, а, скажем, Западная Европа в целом. Но очевидно, что в этом случае национальный центр мощи (одно государство) без долгих колебаний сопоставляется с межгосударственным конгломератом, который находится еще только на пути к приобретению надгосударственных качеств в сфере принятия международно-политических решений. Корректность такого сравнения даже не хочется обсуждать.

Да и дело не только в методе. Если все же вопреки логике добросовестного анализа сравнить США сразу со всеми западноевропейскими странами, аргумента в пользу гипотезы многополярности извлечь не удастся. Конечно, чисто формально по таким совокупным показателям, как население, территория и размер ВВП, разрыв между Соединенными Штатами и «объединенной Европой» будет не столь разительным, как при собственном межстрановых сопоставлениях. Но вопрос о соотношении влияний между несколькими источниками импульсов, регулирующих развитие мировой системы, — а именно в нем состоит смысл той или другой конфигурации международной структуры — несводим только к вопросу о наличии или отсутствии суммарного превосходства ресурсов. Ключевым условием международного влияния является прежде всего способность этими ресурсами эффективно распоряжаться, по первому требованию мобилизовывать их на нужном направлении. И в этом смысле национальное государство обладает неоспоримыми преимуществами над межгосударственным формированием, если только последнее в самом деле не приобрело способности выступать в мировой политике в качестве единого целого.

Способность Вашингтона мобилизовать сегодня американские ресурсы в интересах общенациональных задач несоизмеримо превосходит возможности Брюсселя убедить «единую Европу» выступить в мировой политике в качестве единого целого — и тем более, целого, способного бросить хоть что-нибудь похожее на политический вызов Соединенным Штатам. Судя по трудностям, с которыми сталкивается политическая интеграция стран Западной Европы, и темпам этой интеграции (35 лет понадобилось, чтобы от начавшейся с Римского договора 1957 года интеграции экономик выйти к уровню политического сближения), США, вероятно, всю первую четверть наступившего века смогут сохранять свои организационные преимущества над западноевропейским конгломератом наций, даже если тому удастся справиться с собственными противоречиями и поглощением новых претендентов на вхождение в европейское интеграционное поле.

Искусственной видится и апелляция поборников многополярности к Китаю и России. Россия намного превосходит США по территории, а США не идут ни в какое сравнение с КНР по населению. И тем не менее, по совокупности возможностей и Москва, и Пекин не могут считаться сопоставимыми с Вашингтоном. Китай и Российская Федерация при своей естественной «геополитической одаренности» способны, конечно, выполнять весьма важные роли в масштабах Восточной Азии (КНР и Россия) или даже Евразии в целом (Россия). Но они не могут выступать на равных с США комплексно, то есть по всему кругу вопросов глобальной политики и экономики. О многополярности отношений России, КНР и США можно говорить в основном только применительно к Азиатско-тихоокеанскому району. Но такая многополярность, очевидно, относится к региональному уровню и не определяет конфигурации общемировой структуры.

Возможно, больше оснований говорить о тенденции к многополярности в этнокультурном и идеологическом смысле. Заметно, что Европа, «устав» от американского культурного проникновения, поворачивается к консервированию своих традиционных культурных ориентаций. Одновременно — что серьезнее — под натиском латиноамериканской и азиатских эмиграций заметно меняется генетический код самой американской культуры, из которой с каждым поколением вымывается изначальный европейский компонент.

Но этот новый внутренний полицентризм в культуре того, что в России по традиции нерасчлененно воспринимается как «Запад вообще», во многом уравнивается доминированием американских стандартов в политике, праве и международном поведении. Американская идеология либерализма, конкуренции, демократии, плюрализма определяет сегодня стандарты, с которыми вынуждена так или иначе соотносить себя преобладающая часть государств — от Латинской Америки до Японии и от Южной Африки до Скандинавии. Компрометация коммунистических идеалов в бывшем «социалистическом содружестве», осторожная дерадикализация теоретических установок руководства КНР и медленная эволюция практики авторитаризма в странах Восточной Азии (Южная Корея, Тайвань, Филиппины, отчасти Вьетнам и Камбоджа) — все это так или иначе связано с идеологическим влиянием США. Ему пытаются противостоять многие силы. Но ни одна из них пока не в состоянии претендовать на позиции, сопоставимые с теми, что сумел приобрести в мире либеральный демократизм в его американской версии.

Нравится это или нет, США, несмотря на замедление темпов прироста своего могущества, остаются «абсолютным лидером» мира по совокупности своих возможностей. Масштабы американского превосходства не позволяют говорить о сопоставимости потенциала США с потенциалами каких-либо других государств мира. Следовательно, не очевидны основания полагать, что современная мирополитическая структура может быть описана как многополярная. Гипотеза многополярности, по-видимому, воплощает лишь один из нескольких

возможных векторов системного развития, причем не самый вероятный. Потребность определить действительные контуры структуры современного мира подвигает к необходимости преодолеть соблазнительную незатейливость противопоставления «биполярность — многополярность» и обратиться к построениям менее элементарным, но более адекватным усложнившимся реалиям.

II

Отрешиться от элементарности, однако, не так уж легко. Слишком много сказано об американском превосходстве, чтобы в сознании не стало циркулировать манящее простотой допущение: «Если мир перестал быть биполярным, а многополярным он не стал, то не пришла ли пора однополярности?» Может быть, в самом деле на планете установился Pax Americana, об угрозе которого с начала советско-американской конфронтации в 40-х годах были написаны сотни плохих, впрочем, и неплохих тоже, статей и книг?

Думается, едва ли. Нет впечатления, что сами Соединенные Штаты, конечно, не свободные от высокомерия и вселенских амбиций, готовы взвалить на себя бремя *единоличной* ответственности за происходящее в мире. Самоустранение в 1991 г. главного и самого опасного противника, которым для США был Советский Союз, открыло для американской элиты уникальную возможность хотя бы на время сосредоточить максимальную долю усилий на решении внутренних задач — прежде всего на ликвидации структурных слабостей американской экономики, на протяжении ряда лет не позволяющих ей снова увеличить разрыв, отделяющий ее от конкурентов, пытающихся догнать Соединенные Штаты. Администрация Б.Клинтона стремилась в первую очередь заниматься внутривнутриполитическими, социальными, и хозяйственными вопросами, а только потом — международными делами. Отсюда следовала заинтересованность Вашингтона в сохранении стабильных отношений с Москвой, несмотря на имеющиеся разногласия. Отчуждение между США и Россией могло бы затруднить тот грандиозный ремонт «американского дома», на который замахнулась администрация демократов и который она, надо признать, с полным экономическим успехом завершила к моменту перехода власти в 2001 г. к республиканцам — хотя экономические успехи были одержаны, как показали события 11 сентября 2001 г., на фоне крупных просчетов в сфере совершенствования политических институтов, машины государственного управления, политики в отношении этносообществ, взаимодействия государства и граждан, идеологии и практики политики «правильного котла».

Все последние полтора десятилетия, тем не менее, и при демократах (1993-2000 гг.), и при республиканцах (с 2001 г.), Соединенные Штаты стремились предпринимать все самые ответственные международные акции при максимально доступной поддержке — политико-дипломатической, организационной и материальной — со стороны возможно более широкого круга стран. Так было в Сомали и Бос-

нии, Косово и Афганистане. Американская дипломатия настойчиво добивалась, когда это было реально, санкционирования своих шагов наиболее авторитетными формальными (ООН, НАТО, ОБСЕ) и неформальными («группа семи») международными органами. В этом же ключе, несомненно, стоит понимать и «новые» отношения США и Россией (диалог Путин — Буш) в контексте борьбы с афганскими талибами в 2001-2002 гг.

В этом типе поведения, разумеется, есть доля этикета и «дипломатической психотерапии». Но, как представляется, главное все же — стремление разложить бремя ответственности и потерь на нескольких партнеров, даже ценой частичного делегирования им доли властных полномочий. Такой тип политики не характерен для гегемонии одной страны, которая и понимается под однополярностью. Значит, похоже, и версию Рах Амегисана придется признать, как минимум, недостаточной. Наступает черед более экзотических версий. Из них коснемся двух: гипотезы кольцевого строения и теории комбинированной структуры.

В самом деле, альтернативой как биполярности, так и многополярности может быть, например, кольцевая структура международных отношений. Эта концепция построена на наблюдении, смысл которого в том, что после прекращения конфронтации США и СССР в годы перестройки (1985-1991) и начавшегося сближения между двумя сверхдержавами международная структура, представлявшаяся до того в виде двух взаимно противостоящих «вздыбленных» полюсов, «распласталась» — стала плоской. СССР и США стали сближаться друг с другом, увлекая за собой в разной мере поспевавших за ними партнеров и сателлитов.

При этом в центре мировой структуры оказались наиболее развитые индустриальные страны, которые образовали собой своего рода «ядро» — источник основополагающих мироэкономических импульсов и нарастающего политического влияния. Соответственно, на окраине периферии стало складываться «внешнее кольцо» из относительно молодых государств, наиболее сильно отставших в своем развитии. Между этим «внешним кольцом» и ядром начало формироваться «кольцо внутреннее», своего рода «прослойка». Ее составляли бывшие социалистические государства Европы, сам Советский Союз, а также новые индустриальные страны. Такая модель нагляднее других воплощала идею целостности и взаимозависимости постконфронтационного мира и задавала ясную вариантность путей развития государств, входящих в то или другое «кольцо». Применительно к СССР, например, было понятно, что со структурной точки зрения ему было целесообразно стремиться к тому, чтобы закрепиться, так сказать, у внутренней оболочки первого «кольца» и сопротивляться перемещению в «кольцо внешнее»¹.

¹ Вниманию читателя эта версия была впервые предложена в 1992 году. См.: Богатуров А.Д. Самоопределение наций и потенциал международной конфликтности // Международная жизнь. 1992. № 2. С. 5-15.

Распад Советского Союза, конечно, не мог не снизить привлекательности такого варианта мировидения для русского сознания, поскольку концепция «кольцевой структуры» невольно травмирует его мучительным вопросом о реальном месте России в мировой системе (еще «внутреннее» или уже «наружное»?). Вместе с тем, она и ориентирует его на то, чтобы «пробиться» ближе к центру — цель, не достижимая без завершения начатого процесса самореформирования.

Если русского читателя такой вариант мировидения «коробит» мыслью об окраинности места России, то японского, по всей видимости, он разочаровывает «растворением» возвышающейся роли Японии в «ядре», состоящем из относительно многочисленной группы развитых государств. Во всяком случае, именно японскому теоретику Акихико Танака принадлежит концепция, в соответствии с которой мир предстает в качестве трехслойной сферы, все три пласта которой взаимно проецируются, а взаимодействие их проекций определяет фактическое положение основных мировых игроков по отношению друг к другу. В такой картине мира, естественно, оказывается тщательно выписанной специфика миросистемной роли каждой из ведущих стран, и Япония в этом смысле не может быть обойдена вниманием.

По схеме А.Танака, предложенной в 1993 году, современный мир является одновременно одно-, трех- и пятиполярным. Он является однополярным в том смысле, что только США обладают абсолютным превосходством над всеми странами мира по совокупности своих возможностей. Международные отношения трехполярны, если речь идет об экономике, причем роль экономических полюсов выполняют национальные государства (методически автор безупречен!) — США, Япония и Германия. Наконец, мир предстает пятиполярным в организационно-политическом отношении (такой критерий, насколько можно судить по доступной литературе, ранее никем не предлагался). США, Россия, Китай, Британия и Франция являются организационно-политическими полюсами мира в той мере, как эти страны обладают, как полагает А.Танака, во-первых, обширным опытом участия в управлении мировой политикой и принятии ключевых международных решений; и, во-вторых, наличием каналов и возможностей для участия в миросистемном регулировании¹.

Соразмерная элегантность такого построения лишает запала критику, которую стоило бы ему адресовать. И все же обратим внимание: автор, в сущности, предлагает — лучший из известных — вариант рассуждения в русле все той же многополярности. Делает это он, опять-таки уклоняясь от определений, избегая разговора о критериях и благоразумно предпочитая вести речь не о наступлении

¹ Tanaka A. Is There a Realistic Foundation for a Liberal World Order? // Prospects for Global Order. Vol. 2 / Ed. by Seizabiro Sato and Trevor Taylor. L.: Royal Institute of International Relations, 1993. Название «теория комбинированной структуры» предложено нами. Сам А.Танака свою концепцию не именуется никак.

многполярности, а только о распаде биполярной структуры. Поэтому, отдавая должное свежести авторских классификаций, я лично склонен ценить в теории комбинированной структуры прежде всего косвенное указание на переходность нынешнего этапа мироструктурной трансформации и, что особенно важно, предощущение *комбинированного, усложненного характера будущей миросистемной самоорганизации*. В этом интуитивном или сознательном интересе к осмыслению структурных реалий в ключе сочетания одновременно нескольких типов взаимных расположений видится достоинство теории А.Танака. И все же, как представляется, не его объяснение отражает контуры реально складывающейся модели современной структуры.

Думается, что подходящим названием для последней может быть «плюралистическая однополярность». Типологически эта структура может быть отнесена к комбинированным. Но она складывается преимущественно, в основном в рамках вектора *однополярного развития*. Это, конечно, не однополярность в чистом виде — в той мере, как источником *направляющих импульсов в мировой политике оказываются не единолично США, а Соединенные Штаты в плотном окружении стран «семерки»,* сквозь призму или фильтры которой преломляются, становясь более умеренными, так или иначе меняя свою направленность, собственно американские национальные устремления. Новая однополярность обещает быть однополярностью смягченного, «плюралистического» типа, в рамках которого сильнейшая держава мира, по-видимому, не будет обладать возможностями жесткого контроля над происходящим в той или иной части мира, хотя сможет пользоваться труднооспоримым влиянием.

На первый взгляд, такая структура походит на ту, что выше была описана под названием «кольцевой». Однако, как представляется, плюралистическая однополярность отличается от нее в двух существенных чертах. Во-первых, для «кольцевой» структуры одним из наиболее значимых конструктивных элементов было «внутреннее кольцо». Присутствие в этой «прослойке» такой мощной державы, как Советский Союз, придавало ей, казалось бы, устойчивость, усиливало ее роль, повышало, так сказать, плотность «обрамляющей» среды, внутри которой ядро индустриальных демократий могло принимать свои решения. В сегодняшней структуре мира роль «прослойки» ниже, а сама эта «прослойка» «рассыпается», «растаскивается», поскольку составляющие ее страны либо переходят на положение сателлитов «ядра», либо скатываются к позиции явных аутсайдеров. Во-вторых, и это вытекает из первого, шансы России занять отвечающую ее (завышаемым) представлениям о «надлежащем» месте позицию в формирующейся структуре хуже, поскольку ядро «плюралистически однополярной» структуры плотнее, чем «кольцевой», в той мере, как доминирование США в ней стало сильнее, а сама Россия, перестав быть Советским Союзом, — слабее.

III

Добиваться равенства прав в такой структуре, не имея равенства возможностей, тяжело. Тем труднее рассуждать о том, какой вариант внешней политики для России лучше. Возможно, правильное говорить о том, какой из них менее плох, чем остальные. Версий может быть много. Но сводимы они к трем: тот или иной вариант антизападного курса (необязательно предусматривающего открытое противостояние); «равноудаленность» между несколькими центрами международного влияния — прежде всего США и Китаем; новый вариант партнерства с Западом.

По поводу первого варианта стоит напомнить, что он-то и обрек Россию на ее нынешнее ослабленное состояние. Он может снова толкнуть страну к противостоянию с тем центром мирополитического влияния, который обещает в обозримые десятилетия оставаться самым мощным в смысле способности быть как источником угрозы, так и ресурсом технологии, капиталов, производственного и организационного опыта для российской модернизации.

Теоретически шансы восстановления антизападной перспективы в России сохраняются. Отчасти, как представляется, это связано с неспособностью умеренно либеральных сил российского общества найти правильную форму взаимодействия с волной национально окрашенных устремлений большинства населения, канализировать стихийно формирующийся русский национализм в реформистское русло. В самом деле, российские умеренные силы в обращении с национальными идеями стали не намного менее беспомощными, чем они были, проигрывая жириновцам думские выборы 1993 года. Национализм в России, между тем, делается радикальней, и оживление фашиствующих и бритоголовых в крупных и малых городах о том печально свидетельствует.

В наиболее резкой форме антизападные идеи развивают коммунисты. Это не удивляет. Любопытным кажется другое: будучи по идеологическим установкам стопроцентно *наднациональной* — в этом смысле «*антинациональной*», — компартия в антизападной пропаганде стремится «подмять» под себя русскую национальную идею. Поразительно и то, что простые граждане России сегодня, как никогда, чувствительные к национальной тематике, склонны выказывать поддержку этой партии, порой не отдавая себе, очевидно, отчета во вненациональном смысле ее призывов, замаскированных условно национал-патриотической риторикой. И уж совсем обескураживает то, что умеренно-либеральные силы как будто даже не пытаются обратить внимание российской аудитории на очередные несообразности между национально окрашенными ожиданиями масс и наднациональными лозунгами как левых, так и неоимпериалистов. Тем самым центристские силы общества без конкуренции уступают крайним флангам контроль над тем, что, по-видимому, будет оставаться наряду с экономической неудовлетворенностью одним из главных движущих моментов политических процессов в России — новым национальным сознанием русского большинства.

В какой-то мере это объяснимо. Сознание российской элиты отчасти еще смутно понимает различие между национальным и наднациональным началами в российской политике, отчасти в силу разных соображений не стремится его акцентировать. Между тем, на уровне государственной идеи выражением первого является установка на развитие Российской Федерации как *национального многоэтнического государства*, подобного вполне жизнеспособным Франции, Великобритании, Канаде. Воплощением же второго были погибшие империи (Романовых и Габсбургов), а также построенный на наднациональной идее пролетарского братства и тоже не выживший Советский Союз. Такое сопоставление само по себе указывало бы на уязвимость программы КПРФ и, соответственно, способно было отвлечь от нее какую-то часть избирателей, если бы, конечно, умеренно-реформистские силы имели собственную сколько-нибудь продуманную и учитывающую ожидания масс программу в национальном вопросе.

Со своей стороны на Западе, похоже, не видя разницы между коммунистическим и неоимперским вариантами государственного строительства в России, с одной стороны, и национально-государственным — с другой, с одинаковой подозрительностью относятся к любым попыткам осмысления российской патриотической темы в позитивном ключе, характеризуя их как «националистические», а в западной традиции этот имеет остро негативный смысл.

Между тем умеренно-либеральная версия национализма в России — своего рода «русский голлизм» — могла бы, как мне думается, стать консолидирующей политической философией, по крайней мере, для того этапа реформ, на котором вероятность внутреннего раскола особенно велика. Такой национализм мог бы сочетаться с концепцией развития России по пути национального государства, а не наднациональной империи, типологически в большей мере, чем национальное государство, предрасположенной к саморасширению и в этом смысле более угрожающей для международного сообщества. Наконец, этот вариант лучше бы сопрягался с потребностью сохранить конструктивные экономические и иные отношения с передовыми странами. Если потребностью и перспективой России остается модернизация, то стране требуется сотрудничество, а не противостояние с западными государствами. Об этом свидетельствует даже опыт Китая, страны гораздо более, чем Россия, «антииностранный» вообще и антизападный в частности. Но, словно по иронии, именно на Китай ссылаются противники «прозападной ориентации» России как на пример удачного проведения внешнеполитической линии «равноудаленности», следовать которой призывают представители не только зюгановцев, но даже «Яблока».

В самом деле, «равноудаленность» как схема может обладать привлекательностью. Во-первых, она легка для усвоения: в памяти сразу всплывают «ученое» выражение «баланс сил» и мысль о приписываемой ему способности обеспечивать мир и стабильность. Во-вторых, эта схема как бы подразумевает многополярность — а в позиции

слабости, в которой находится Россия, многополярность искушает иллюзией многообразия выбора. Но реальность грубее. Вероятно, в Пекине это сознают предметнее, чем в Москве. Во всяком случае, несмотря на слова о «равноудаленности», произносимые в КНР, по крайней мере, с 1982 года, никакого «равенства» в отношениях Китая с Россией, с одной стороны, и западными странами и Японией — с другой, не существует. Пятнадцать лет происходит быстрое наращивание экономических, научно-технических, а избирательно — еще и военных, связей КНР с Вашингтоном. Все это — на фоне сначала враждебных, затем дружелюбных, но ни в какое сравнение не идущих с китайско-американскими, связей Китая с Москвой. Совокупный уровень сотрудничества КНР с США, Японией и западноевропейскими государствами настолько явно превышает развитие отношений КНР с Россией, что ни о каком «выравнивании» в этом смысле просто не может быть речи. Да в Пекине никто и не скрывает, что именно развитие сотрудничества с Западом и Японией, а не с Россией, является для КНР приоритетным.

В России же энтузиасты сближения с КНР «назло Америке», как видно, готовы перейти грань разумного. За последние три года Россия подписала с КНР два соглашения о военном сотрудничестве, в соответствии с которыми осуществляются поставки в Китай российских вооружений и технологии. Детали этих соглашений держатся в секрете, подобно тому, как в середине 50-х годов секретными были советско-китайские соглашения о сотрудничестве в области использования ядерной энергии, открывшие путь к китайской ядерной бомбе. Оправданны ли попытки прийти к «равноудаленности» между Китаем и Западом таким рискованным образом, и чем это может обернуться в будущем для безопасности Российской Федерации?

Единственное преимущество, которое сегодня Россия имеет перед Китаем в области международных отношений, — ее более тесные политические связи с Западом. Этот относительный выигрыш стоил нам больших потерь, но все же это выигрыш. Ошибкой было бы лишиться его просто из желания продемонстрировать Западу свое раздражение его политикой. Нельзя не видеть, что огромный, набирающий силы и перенаселенный Китай представляет собой вызов в первую очередь не для США и стран НАТО, а для самой России, по отношению к которой КНР объективно выступает в роли самого грозного геополитического соперника, которого она когда-либо имела на Евразийском материке со времен татаро-монгольского нашествия.

Даже с «чисто» структурной точки зрения «равноудаленность» по отношению к США и КНР предстает абсурдом: удалиться Россия может разве что от США, но Китай с его четырьмя тысячами километров границы с Россией всегда останется «нависать» своей демографической громадой над полубезлюдными территориями русского Дальнего Востока. Можно понять стремление найти альтернативу раздражающей зависимости от США. Но на сегодняшний день «равноудаленность» — это только словесная фигура для обозначения того,

что на практике не может не оказаться заменой зависимости России от (передового, насытившегося и не угрожающего потерей территорий) Запада на зависимость от (относительно отстающего и склонного к «мирной колонизации» русских земель в Приамурье и Приморье) Китая. Назревшими для России кажутся размышления не о перспективе «отдаления» от западных партнеров, а о выработке тех темпов, форм и условий сотрудничества с ними, которые учитывали бы текущую ситуацию, исторические озабоченности, национально-психологические особенности и фундаментальные интересы России, не меняя принципиальной установки на сотрудничество с передовой частью мира.

Такая линия может означать рационализацию политики Кремля в духе философии «разумного эгоизма» и национального интереса, усиление ее привязки к специфическим устремлениям России, а также признание неизбежности сопутствующих трений, разногласий и противоречий в отношениях с западными странами. Эти противоречия сегодня вполне различимы — от несовпадения позиций сторон в отношении игнорирующей тревоги Москвы расширения НАТО на восток, подключения России к западным структурам безопасности до, в общем-то, второстепенной для российско-западных отношений, но болезненной проблемы балканского конфликта или вопроса о ситуации в Чечне. Вопросы национальной психологии, государственного престижа, реально или мнимо ущемляемых интересов безопасности, остро переживаемый рост уязвимости по отношению к внешнему миру — все это сплавлено в современной российской политике с потребностью завершить реформы, модернизировать страну, вывести ее из состояния слабости, не разрушая рационального ядра национальной идентичности. В таком сложном политико-психологическом контексте России и ее партнерам предстоит найти обновленную формулу своих отношений.

Можно предположить, что темпы взаимного сближения сторон в обозримой перспективе могут замедлиться, а связи — временами даже топтаться на месте. Процесс взаимной адаптации слишком сложен, чтобы и Россия, и западные партнеры были и дальше готовы легко соглашаться друг с другом буквально во всем. По-видимому, этап эпически грандиозных, исторических решений в основном пройден. Началась пора кропотливой, упорной работы по взаимной притирке, в ходе которой приходится признавать, что России как более слабой стороне, по всей видимости, придется уступать больше. Но это не значит, что российская дипломатия не должна спорить, проявлять упорство и настойчивость, «до хрипоты» торговаться по каждому конкретному вопросу, решение которого может ущемлять интересы Федерации. Тем более что психологически перспектива политики «вечно-го согласия» с более сильными партнерами начинает вызывать внутри страны достаточно острое эмоциональное отторжение. Оттого, вероятно, и стоит предвидеть замедление темпов сотрудничества с целью выиграть время, необходимое для психологической адаптации.

Значит ли это, что пришло «время уклоняться от объятий» (Еккл., 3, 5)? Видимо, нет. Как не пришло оно и для того, чтобы в

объятия бездумно бросаться. Категоричные обобщения не кажутся здесь уместными. Думается, России важно сохранить себя в качестве партнера Запада. Но стоит отдавать отчет в том, что партнерство будет трудным. Из не в меру покладистого «нового знакомого» нашей стране, возможно, предстоит вырасти в разумно строптивного, но совершенно необходимого Западу надежного партнера. Партнера, который будет вправе рассчитывать на какие-то привилегии. «Особость» партнерских отношений с Западом, которой, по-видимому, следовало бы добиваться Кремлю, вероятно, не будет равнозначна восстановлению сверхдержавного статуса Москвы. Но положение пусть самого «трудного», но постепенно набирающего «вес» партнера Запада кажется предпочтительнее роли его озлобленного и слабеющего соперника. Во всяком случае, до той поры, когда возможное саморазвитие мирового расклада и/или интригующе противоречивая внутренняя эволюция самих Соединенных Штатов не откроют иных альтернатив.

* * *

В истории бывали и, возможно, будут и впредь ситуации, когда лучшая политика — не зависеть ни от кого. Сегодня, когда Россия слаба, а мир, следуя собственной логике, стремится преодолеть разобщенность в неприятной для нас форме «плюралистической однополярности», упования на самодостаточность и нестесненность во внешнеполитической сфере представляются утопичными. Нравится это кому-то или нет, США — лидер современного мира и опора его нынешней «плюралистически однополярной» структуры. Это может (и, наверное, должно) быть кому-то не по вкусу и тревожить. Но это было бы неосторожно игнорировать. Формы новой модели мира еще не затвердели. Задача России может состоять в том, чтобы внести свою лепту в ее формирование, попытавшись сделать новую международную структуру более плюралистической и менее однополярной.